

Январским утром пригородный поезд «Сибирская заря» готовился к отправлению. В фиолетовых сумерках стихала посадочная колготня. Сиротел перрон. Только два обходчика в оранжевых жилетах, шаманской походью ступая от вагона к вагону, камлали в промерзшее железо да запоздавшие студенты лениво переругивались с проводником.

Начинало светать. Докурив до последнего пассажира, проворно скрылись охранники. Уже и дворник, не любивший кочевых людей и не понимавший, куда и зачем они едут, вышел с длинной метлой. Откуда-то вылезла худая пятнистая собака, виляя сизым хвостом, и человек, похожий на собаку, оглядываясь – нет ли охраны, – направился в казенное тепло. Но привычный ход событий вдруг смазался: в здании вокзала распахнулась большая деревянная дверь, откуда высыпала оживленная «делегация» из нескольких хорошо одетых человек и устремилась к седьмому вагону.

– Андрей Петрович, успеваем? Мы с вами договаривались, – беспокоился шустрый лысоватый мужчина лет тридцати по фамилии Сальцев, одетый в красный пуховик поверх делового костюма и пахнущий одеколоном.

– Успеваем, если договаривались... – хмурился пожилой человек с усами, заместитель начальника вокзала Андрей Петрович Гудков.

Мужчины шли впереди, за ними послушно семенили три женские шубы из какого-то комитета и, покуривая, брели позади два парня: журналист и оператор местного телевидения.

– Как было условлено, Андрей Петрович, – суетился чиновник, – вы мне сперва аккуратненько указываете на юбиляра, так сказать. Но... чтобы не привлечь излишнего внимания. Понимаете меня? А после мы уже делаем свою работу.

Андрей Петрович не ответил на реплику Сальцева. Он считал глупой подобную конспирацию, когда все и так ясно: есть билет, есть миллионный пассажир с этим билетом, а значит – приз в студию, как говорится. Его волновало другое. На днях начальник вокзала не намекнул, а дал твердо понять, что пора, дескать, тебе, старче, на пенсию. У Гудкова чуть колени не подломились от такой новости: приехали, стало быть, выходим, конечная станция. Пей лекарства и сиди смирно у телевизора, не рыпайся. А тут еще делегация эта, будь она неладна. «Не оплошать бы. – Подходя к вагону, старик глубоко, с хрипом вобрал ледяной утренний воздух и выдохнул: – Будь что будет...»

Увидев Андрея Петровича в компании официальных и не слишком приветливых лиц, проводник седьмого вагона, недоучившийся студент педвуза Егор Бегунец, встал по стойке смирно. На дежурство он, как водится, опоздал, заставив мерзнуть людей на

платформе, слегка опохмелился после вчерашнего и теперь опасался, как бы чего не вышло.

- Ты хоть побрился бы, что ли, Бегунец, – по-отечески, но как-то обреченно заметил ему Гудков.
- Андрей Петрович, дак я...
- Ладно. Что там у тебя в вагоне, все на месте?

Бегунец тряхнул головой и с виноватым видом отошел в сторону.

- Так, так... – деловито вертелся Сальцев. – Букет цветов, билет на десять бесплатных поездок и туристическая сумка здесь? Отлично! В вагон заходим не все. Пока только мы с Андреем Петровичем. Вы, коллеги, – уважительно обратился он к дамам из комитета, на неподвижных лицах которых чуть увеличились глаза, – и вы, пресса, – небрежно глянул на парней, – ждете моего сигнала. Никакой самодеятельности. Надеюсь, всем все понятно?

Шубы покорно зашевелились. Журналист снайперски плюнул на черный рельс и отвернулся.

- Ну, как там говорится... Ни пуха ни пера! – нервно ослабил Сальцев и, не заметив встречного движения Гудкова, полез на подножку.

До отправления оставалось десять минут. Пассажиры седьмого вагона, сидя в удобных креслах, томилась ожиданием. Пенсионеры шурали пакетами с едой, вздыхали, поглядывая на пустынный перрон; студенты, подсвечивая сонные лица смартфонами, машинально листали сообщения; кто-то, запрокинув голову, дремал. Всем хотелось, чтобы поезд наконец тронулся и за окнами поплыл тоскливый зимний пейзаж. Но поезд, словно примерзнув к рельсам, продолжал стоять, а по вагону тем временем (туда и обратно) прошагали двое: Сальцев в распахнутом пуховике и за ним, едва поспевая, взъерошенный Бегунец.

- Бомбу, че ли, нашли? – заохала старушка с надкушенным пирожком в руке.
- Типун вам на язык, проверка обычная, – возразила соседка.
- Дай-то бог...

Андрей Петрович сидел в служебном купе, скучно оглядывая с юности знакомый интерьер. Он начал проводником и изездил по Транссибу в лучшие свои годы полстраны. Было что вспомнить: ночные разговоры с бородатыми туристами, пьяные драки курортников, дымящие мегаполисы и одичалые полустанки в алтайской степи... Вроде все как прежде, блуждал взглядом старик, только стеклянные стаканы заменили пластиковыми и появилась трехъярусная тележка с продуктами, которую проводник в роли официанта обязан был катить дважды в свой

рейс. «Не то все, не то...» – хмурился Гудков, поглаживая седые стриженные усы.

- Андрей Петрович, у нас ЧП... – В дверях стоял чем-то встревоженный Сальцев, обтирая потную шею носовым платком; за ним, сдерживая идиотскую улыбку, перетаптывался Бегунец. – Юбилей-то наш ни к черту, – срывающимся тенорком заявил чиновник.

- Как так? – сурово посмотрел Гудков.
- Ох, сами взгляните, такого нельзя на камеру. Только осторожнее, прошу вас, осторожнее.

Из пассажирского салона было видно, как за дверным овальным стеклом, в косом коридорчике с титаном, показались двое. Тот, что в пуховике и с лысиной, активно шевелил губами, не переставая обтирать шею платком. А второй, мрачноватый и с усами, недоверчиво всматривался.

- Да вон же он. С ним даже рядом никто не сел. Левее надо, – пыхтел Сальцев, странным образом маневрируя: то отступая, то приближаясь к двери.
- Который с лопатой? – прищурившись, буркнул Гудков.
- Наконец-то! Он, он. Не по плану все пошло, не по плану.

Андрей Петрович внимательно посмотрел на миллионного пассажира, действительно занимавшего оба места в левом ряду. Им оказался крепко выпивший бомжеватый мужичок лет пятидесяти в рыжей дубленке. Сунув клочковатую бороду в барашковый воротник и опершись о черенок штыковой лопаты, мужичок тихонько дремал, распространяя вокруг себя удушливый запах перегара.

- Похоже, деревенский... – задумчиво сказал Гудков.
- Деревенский? Какое это имеет значение? – изумился чиновник, выпучив серые водянистые глаза. – Представьте, такого вот покажут по телевидению, напишут о нем в газетах. Возможные последствия всего этого безобразия знаете?!
- Ну-у, – Гудков немного смутился, по привычке взявшись за ус, – билет-то ему достался. Волей случая, можно сказать. Стало быть...

В кармане Сальцева заиграл мобильник, и возмущенное, в красных пятнах, тщательно выбритое лицо его заметно сникло:

- Да, Борис Семеныч... А? Разумеется, делаем. Что? Пассажир замечательный, да... А? – Сальцев приторно улынулся. – Ну что вы, Борис Семеныч, меня моя должность вполне устраивает, рановато еще... Да, как только – отзвонюсь. И вам... Всего...

Вы в некотором роде юбиляр. То есть так уж вышло, что вы миллионный пассажир «Сибирской зари», с чем я вас и поздравляю.

Чиновник облегченно выдохнул, уверенно поглядел на свое мутное отражение в оконном стекле (на фоне серых товарняков), сделал губами «пфу-пфу-пфу», пощелкал пальцами и, повернувшись к Гудкову, воодушевленно сказал:

– Андрей Петрович, проводника... срочно!

В вагоне повеяло легким недоумением. Поезд запаздывал. Пассажиры, ерзая в креслах, поглядывали на часы.

– Видать, все ж таки бомбу нашли, – не унималась старушка, дожевывая третий пирожок.

– Ешьте уже спокойно, не вошкайтесь.

– Да я ничего, я так...

Бегунец возник откуда-то сам, с ведром и шваброй, и решительно смотрел на вишневый галстук чиновника.

– Действуем быстро, – давал указания Сальцев. – Юбилейного пассажира немедленно пригласить в купе для... интимной, так сказать, беседы. Не привлекая общественного внимания, – доверительно понизил он голос. – Все ясно?

– Априори! – ляпнул Бегунец, вспомнив университетское слово.

«Что за увальень...» – подумал Сальцев, брезгливо оглядев долговязого парня, и предложил Андрею Петровичу зайти в купе.

Через минуту по вагону разнеслись подозрительные лязгающие звуки вперемешку с женскими вскриками, как если бы обходчики, размахивая кувалдами, решили проверить годность пассажирских кресел. Сальцев с ужасом прислушивался, вертясь в тесном купе. Гудков, сидя за столиком у окна, с легкой ухмылкой поглаживал усы.

– Вот, привел, – весело доложил Бегунец, придерживая за локоть порядком ослабевшего мужичка. И, шмыгнув носом, добавил: – Там это, волнуется...

– С лопатой-то зачем? – поморщился Сальцев. – Ладно. На сиденье его... их. Вот сюда.

Бегунец усадил всерьез озадаченного мужичка рядом с Гудковым и тут же скрылся.

– Так, так... – почесывая лысину, соображал не менее озадаченный Сальцев. – Извините, как вас зовут? – заискивающе обратился он к пассажиру.

Мужичок, почуяв неладное, сделал кроткое лицо, поморгал сонными глазами и крепче взялся за лопату.

– Да вы не переживайте, гражданин. Я только спрашиваю: ка-ак ва-ас зо-вут? – отчетливо повторил чиновник.

– Лева-Упокой... звать, – тихо прохрипел мужичок и, разжав грязный мозолистый кулак, показал билет: – Вот...

– Гм, очень хорошо... Лев. Поймите, вам ничто не угрожает. Все мы люди, у всех есть недостатки. Тут, знаете, иная ситуация. – Чиновник покосился на суровый профиль Гудкова. – Вы в некотором роде юбиляр. То есть так уж вышло, что вы миллионный пассажир «Сибирской зари», с чем я вас и поздравляю. – Он профессионально растянул улыбку. – Но... не могли бы вы, скажем, уступить вашу удачу тому, кто в ней действительно нуждается?

– А? – не понял мужичок.

– Поясню. Что если... с вашего разрешения, конечно, пожертвовать «счастливый билет» молодой матери с ребенком или... больному пенсионеру. Видели, сколько их с печальными лицами? Тем самым вы совершите благородный поступок, подчистите карму, хе-хе. Понимаете меня? – Сальцев чуть наклонился в ожидании.

Возникла пауза. Мужичок глухо откашлялся в воротник, посмотрел сперва на мрачного Гудкова, потом на улыбчивого Сальцева, поскреб желтую прокуренную бородку и затих.

– Ну, хорошо... – не сдавался чиновник. – Вот вы, Лев, чем в жизни занимаетесь, как на хлеб зарабатываете?

– Могильщик я, – ответил вдруг мужичок. – В Нижних Буграх. Покойничков хороню. Ей, – пошевелил он лопатой. – Новую купил. Свежих покойничков буду хоронить. Ценят меня.

– Вот как, – неприятно удивился Сальцев, но не растерялся. – Работа у вас, как я понимаю, тяжелая и... полезная. Все там будем... – Чиновник едва не перекрестился, взмахнув левой рукой, но передумал и только поправил галстук. Чтобы замаять неловкость, он шелкнул пару раз пальцами и продолжил: – Лев, как я уже сказал, работа

у вас тяжелая. И-и... вы наверняка нуждаетесь в инструменте. Допустим, одна лопата сломалась или стаял кто – новую надо, так?

- Это верно. Инструмент дорого-ой, а покойники глубину любят. – Решив, что бить его, скорее всего, не будут, мужичок разговорился. – Давеча бабка Шестухина заказала хоронить и Лизавета с низинки. Уже и магарыч несут. Говорю: куда столько, здоровья не хватит. А они: не брыкайся, говорят, помрем – ты нас помянешь.
- Вот и замечательно, – заулыбался Сальцев, радуясь, что разговор повернул в нужное русло. – Ну а что если мы с вами заключим своего рода дружеский договор? Чтобы все по-честному... так сказать. – Он опасливо взглянул на Гудкова.
- Договор? – насторожился мужичок. – Этого не надо. Сынок мой, тот еще долбозвон, на свою голову заключил договор, теперь...
- Да нет же, я не о том, – отмахнулся чиновник. – Сколько вам нужно, к примеру, денег, чтобы не мотаться за инструментом в город, скажем, год... или два? Да и здоровье поправить. – Он лукаво подмигнул и показал зубы.
- Ну-у, по зиме да по весне инструмент шибко снашивается, – смекнул мужичок, – земля-то противится...

Сальцев достал из пуховика увесистое портмоне, привычно щелкнул большим пальцем застёжку и, ухмыляясь, вынул две пятитысячные купюры.

- Хватит? – спросил мужичка.
- Теперь уж точно хватит. – Андрей Петрович треснул кулаком по хлипкому столику.
- Что-о?! – опешил Сальцев, и две красненькие бумажки медленно опустились на пол.

Гудков расправил больную спину, поднялся, с прищуром поглядел на трясущегося чиновника и спокойно проговорил:

- Сволочь ты офсетная, вот что! – Он хотел сказать «офисная», ну тут было не до словаря.

Выходя из купе, Андрей Петрович запнулся о лопату, потерявшую устойчивость в руках испуганного мужичка, и та трагически зазвенела. Где-то раздались короткие порывистые гудки...

В голове ошалевшего чиновника обрывками пронеслось: «это вы напрасно», «мне известно ваше шаткое положение», «козел старый». Но ничего такого он сказать не успел, свирепо взглянул на мужичка и еще раз посигналил перед его носом пухлым бумажником:

- Так возьмете?
- Благодарю, – хитро поморгал Лева-Упокой, – мне и этой надолго хватит. Хорошая лопата, немецкая.

Внизу что-то закрипело, заворочалось, дыхнуло паром, бухнула тамбурная дверь... Заиндевелый серый «экран» покачнулся – и пейзаж поплыл.

Сальцев зачем-то подскочил к окну. Увидел прямую удаляющуюся спину Гудкова, худую собаку с низким хвостом и человека, похожего на собаку, сидящего у вокзального столба; увидел ехидную улыбку журналиста с сигаретой в зубах и неподвижных женщин из комитета, опущенных мелким снежком. Одна из них, кажется, всплакнула, помахав чиновнику букетом вялых гвоздик.

- Слава те господи, поехали... – набожно вздохнула старушка и сосредоточилась на жареной курице с грибами.

